

19. Рябчинська О. П. Система покарань в Україні: поняття, значення та принципи побудови : монографія / О. П. Рябчинська. – Запоріжжя : Акцент Інвест-трейд, 2013. – 448 с.
20. Письменський Є. Звільнення від відбування покарання з випробуванням: окремі аспекти законодавчого регулювання та практики застосування / Євген Письменський // Підприємництво, господарство і право. – 2010. – № 2 (170). – С. 113-117.
21. Ухвала колегії суддів Судової палати у кримінальних справах Верховного Суду України від 29 вересня 2009 року // Судова практика Верховного Суду України у кримінальних справах за 2008-2009 роки / за ред. П. П. Пилипчука. – К. : Істина, 2011. – С. 376-378.
22. Філонов В. Реформування інституту звільнення від відбування покарання з випробуванням у світлі сучасних тенденцій гуманізації пенальної політики України / Володимир Філонов, Єгор Назимко // Право України. – 2010. – № 3. – С. 184-189.
23. Клевцов А. О. Інститут звільнення від відбування покарання з випробуванням в Україні: сучасний стан та шляхи вдосконалення / А. О. Клевцов // Вісник Запорізького юридичного інституту. – 2005. – № 1. – С. 168-179.
24. Коробов П. В. Некоторые вопросы применения условного осуждения / П. В. Коробов // Противодействие современной преступности: оценка эффективности уголовной политики и качества уголовного закона : сборник научных трудов / под ред. д.ю.н., проф. Н. А. Лопащенко. – Саратов, Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции : Сателлит, 2010. – С. 258-262.
25. Марченко Н. В. Додаткові покарання та особливості їх призначення : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Марченко Нінель Валеріївна. – Запоріжжя, 2009. – 257 с.
26. Шарипов Т. Ш. Інститут умовного непризначення покарання в уголовном праве: проблемы теории, законодательства и практики : монографія / Т. Ш. Шарипов. – М. : Проспект, 2008. – 176 с.
27. Чучаев А. И. Уголовно-правовое воздействие: понятие, объект, механизм, классификация : монографія. / А. И. Чучаев, А. П. Фирсова. – М. : Проспект, 2010. – 320 с.
28. Ломако В. А. Применение условного осуждения / В. А. Ломако. – Харьков : Вища школа, 1976. – 125 с.
29. Попрас В. О. Штраф як вид покарання за кримінальним правом України : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Попрас Віктор Олексійович. – Х., 2007. – 234 с.

УДК 343.92

ПРЕСТУПНОСТЬ И НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ

Сердюк П.П.,
д.ю.н., доцент,
профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права
Национальная академия прокуратуры Украины

В статье представлена почти забытая в криминологии проблема. В ней доказывается, что роль народонаселения в воспроизведении преступности незаслуженно уменьшена. Наоборот, корреляция между количеством совершенных преступлений и количеством населения была замечена и раньше, но об этом вопросе забыли, поскольку начали использовать аналитическую единицу относительного измерения преступности на 1 000, 10 000 или 100 000 населения. В исследовании приведены доказательства в опровержение правильности такого исчисления.

Ключевые слова: аналитическая единица, дисперсия, математически ожидаемое количество, народонаселение, относительное измерение, преступность, пропорциональное измерение.

Сердюк П.П. / ЗЛОЧИННИСТЬ І НАРОДОНАСЕЛЕННЯ / Національна академія прокуратури України, Україна

У статті представлена майже забута в криминології проблема. У ній доводиться, що роль народонаселення у відтворенні злочинності не заслужено применшена. Навпаки, кореляція між кількістю вчинених злочинів і кількістю населення була помічена й раніше, але про це питання забули, оскільки почали використовувати аналітичну одиницю відносного вимірювання злочинності на 1 000, 10 000 або 100 000 населення. У дослідженні наведені докази на спростування слушності такого вимірювання.

Ключові слова: аналітична одиниця, відносне вимірювання, дисперсія, злочинність, математично очікувана кількість, народонаселення, пропорційне вимірювання.

Serdiuk P.P. THE CRIME AND POPULATION / National Academy of Prosecutors of Ukraine, Ukraine

There was presented in article the almost forgotten issue in criminology. It was proved that the role of population in playing unfairly reduced crime. There was noted, the correlation between the number of crimes committed and the number of population was seen before, but forgot about this question, because started using analytical unit of relative measurement of crime in 1 000, 10 000 or 100 000.

There was emphasized in article that the dominant low performance error in proportional approach demonstrates the reasonableness of its use. At the same time, it showed and dubious benefits of the use of relative measurement of crime in 1 000, 10 000 or 100 000 population, since the number of the population had been an important macro criminological factor. It was found that the dynamics of recorded crime over a long period of observation can show examples of significant fluctuations without significant changes of the population. But, nevertheless, it occurs within the expected dispersion mathematically criminal record.

The index error in the proportional approach demonstrated questionable usefulness of the current state of crime relative measurements per 1 000, 10 000 or 100 000 of population, compared with other regions within the same country or between countries as a whole. There was proved by the very necessity of the proportional reduction in the number of population, which was calculated per 100 000 of population and the simultaneous used of the benchmark, which was expressed in the total manufactured product – crime of the total population of the region. There was emphasized the need to undertake the development of alternative methods of measuring crime, which could change the whole look of the current system of calculation. There was focused in article on the measurement of crime by category mathematically expected number of crimes and its dispersion. There was noted that this measurement's system adequately taken into account population of the object.

Key words: analytical unit, dispersion, mathematically expected number, population, relative measurement, crime, proportional measurement.

Постановка проблемы. После того, как в начале 1900-х гг. Э. Ферри отметил зависимость между народонаселением и преступностью [1, с. 237–240], до 1930-х гг. относительно этой проблемы сохранялось молчание. Но в 1935 г. В.Ф. Отгёрн вслед за Э. Ферри пришёл к выводу о том, что с увеличением количества населения увеличивается количество совершенных преступлений. При этом он пользовался данными отчетов, содержащих показатели преступлений на 100 000 населения [2, р. 12–34]. В 1974 г. Ю.Д. Блувштейн пришёл к решительному отрицанию зависимости между количеством населения и количеством преступлений [3, с. 93–107]. Были и другие отрицатели [4, р. 119–130; 5]. П. Бло в 1977 г. заключил, что существует линейная закономерность между ростом населения и увеличением преступности, однако происходит это из-за увеличения социальных контактов [6, р. 160–163]. Э.Г. Юзиханова в 2002 г. указала, что смогла доказать эту зависимость [7, с. 112–117]. А через два года Дж.Дж. Нолан отметил, что между народонаселением и показателями преступности может существовать относительно малая, но статистически заметная связь [8, р. 552]. Исследователи использовали сходную и разную методологию подсчета и допустили ошибки в обоснованиях. Таким образом, на сегодняшний день существуют диаметрально противоположные взгляды на эту проблему, однако большинство криминологов не склонны видеть корреляцию между количеством зарегистрированных преступлений и народонаселением. Решение этой довольно важной проблемы так и не нашло доселе своего убедительного и непротиворечивого воплощения.

Актуальность темы. Большинство криминологов совершенно забыли об этой крайне важной научной проблеме, ошибочно полагая, что она нашла свое опровержение еще в 1970-х гг. Но её актуальность не угасала ни на минуту, поскольку на базе нерешенной проблемы влияния народонаселения на количественные показатели преступности возникли теории, искажающие действительное развитие событий. В этом плане уместно вспомнить теорию В.В. Лунеева об относительном и абсолютном росте преступности в мире, которую большинство восточноевропейских криминологов и не пытались верифицировать, кроме Д.А. Ли. Хотя в ней, по сути, заложена проблема отношения количества народонаселения и преступности. Из-за такого невнимания в публикациях криминологов можно встретить оценки и высказывания в духе старой доброй моральной паники.

Целью этой статьи является верификация роли количества народонаселения в производстве преступности, а посему и системы относительного исчисления преступности из расчёта на 1 000, 10 000 или 100 000 населения, которая, по сути, не учитывает фактор количества населения региона в производстве преступности, заменяя его аналитической единицей, пренебрегающей популяционно-математическими закономерностями социального взаимодействия.

Изложение основного материала исследования. В.И. Омигов в 2000 г., произведя небольшое исследование, пришёл к выводу о существовании 8-годичной фазы колебания преступности и спрогнозировал следующий пик в 2002 г., но его прогноз не сбился. Конечно, это не повод, чтобы отказать от его теории, основываясь только на одном промахе. Но большим просчетом представляется его утверждение об отсутствии какой-либо связи между динамикой народонаселения и преступностью. Он ожидал пропорциональной зависимости от прироста населения и прироста преступности [9, с. 52–53]. Между тем, происходят колебания преступности, она может несколько увеличиваться или снижаться, сохраняя при этом связь с количеством народонаселения. Исследователь парировал, что прекращение прироста населения России в 1992 г. было сопряжено с ростом преступности, что ставит, по его мнению, под со-

мнение эту связь. Однако следует обратить внимание, что и в период, им обозначенный (с 1992 по 1997 гг.), население России в наиболее криминально активном возрасте (с 16 до 59 лет для мужчин и с 16 до 54 лет для женщин) было большим по сравнению с контрольным 1989 г. Хотя оно и не существенно увеличилось, но, тем не менее, такое количество вполне укладывается в рамки возможных колебаний дисперсии преступности. На рис. 1 изображена лестница, на ступеньках которой показано число народонаселения России соответствующего возраста с начала 1960-х гг. до 1997 г. [10, с. 38]. Под соответствующими ступеньками указано количество зарегистрированных преступлений (1962, 1970, 1979, 1989, 1997 гг.).

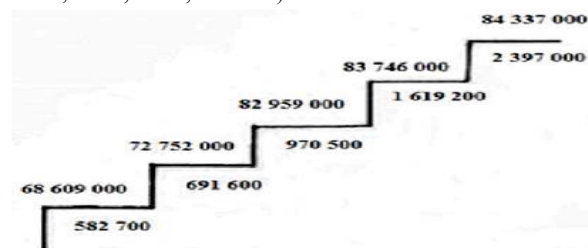

Рис. 1. Динамика народонаселения и зарегистрированной преступности в РФ (1962–1997 гг.)

На верхних ступеньках лестницы видно, что пропорция увеличения народонаселения этих возрастных групп не такая, как на нижних ступеньках. Но это свидетельствует не об отсутствии связи, а об отсутствии линейной, не колебательной пропорции, которую хотел бы видеть В.И. Омигов, чтобы заключить о наличии доказательств связи между народонаселением и преступностью.

До 2006 г. исследователи использовали относительные показатели преступности в своих подсчетах и чуждались использования абсолютных её показателей. Всё же, по меньшей мере, в обозримый период истории исследователей этого вопроса было мало, но часть из них правы в главном выводе о том, что корреляция существует. Эта аргументация покоилась на досадных противоречиях, которые никак не комментировали.

Известно, что относительное измерение преступности основывается на методе, в соответствии с которым вся совокупность преступлений страны или региона переносится на относительный масштаб в 1 000, 10 000 или 100 000 населения. При этом происходит сравнение с другими регионами, которые отличаются по количеству населения.

Традиционно сравнению подлежат регионы, в которых большее число населения производит, как правило, большее количество преступлений, а последнее без какого-либо пропорционального учёта сравнивается с регионами, где проживает в разы меньшее количество населения, в результате чего оно производит меньше преступлений.

Чем это чревато? Ответ очевиден. Тем, что не только методика такого подхода хромает, но и происходит уравниловка показателей, которые не могут уравниваться, поскольку на количественные показатели производства преступности влияет количество населения в возрасте от 15 до 64 и/или больше лет, а они по факту не совпадают. Например, чем больше в лесу живет зайцев, тем больше это влияет на популяцию хищников и соответственно растет количество съеденных зайцев. Совершенно понятно, что, за небольшим исключением, количество населения в возрасте 15–64 и/или больше лет влияет на количество совершенных преступлений. Но что происходит по традиционной методике? Количество преступлений, совершенных на территории с большим количеством указанного населения индексируется на 100 000 населения этого региона. Затем происходит известная индексация применительно к территории с меньшим количеством населения. В резуль-

тате получается, что малонаселенные регионы, как правило, будут иметь более низкий индекс преступлений по сравнению с густонаселенными и количественно превосходящими по населению регионами.

Действительно, большее население производит большее количество преступлений. Например, огромное население РФ производит по статистике 2 302 168 (2012 г.) преступлений в год, а население Эстонии (1 119 609 человек в возрасте от 15 до 100 и больше лет) производит 40 816 (2012 г.) преступлений в год. Если сравнивать по индексу интенсивности, то в Эстонии из расчёта на 100 000 населения, преступлений больше, чем в огромной России. Но в той же Тверской области РФ сходное количество населения производит близкое к эстонскому показателю количество преступлений (33 888 преступлений). Переносить эти показатели на относительную величину не разумно.

Необходимость учёта закономерностей макро- и мезоуровней делает невозможной попытку парировать доводы, указывая, например, на уровень убийств в разном населенных регионах. Индексы убийств отличаться могут весьма показательно, причем последние могут быть и большими в малонаселенных регионах по сравнению с многонаселенными регионами, но только в относительных величинах, исчисленных традиционным образом. В целом этот вид преступности остается малочисленным по сравнению с корыстными преступлениями. Поэтому для корректных расчетов нужно брать показатель либо всей ядерной преступности, либо преступности в общем (макроуровень), поскольку мезо- и микроуровни показывают не состояние всей системы, а состояние наших знаний о системе. Представим, абстрагируясь, что существует только один вид преступности – убийства. Странные для нас примеры, когда в огромном регионе относительный показатель убийств значительно уступает показателю в малонаселенном регионе. Например, по относительным показателям индекс убийств в северной канадской провинции Нунавут – 18,64 (2009 г.) с населением 31 127 человек, а в канадской провинции Онтарио – 1,36 с населением 12 850 636 человек, но всё упрощается, если обратить внимание на то, что количество зарегистрированных убийств в Нунавуте было всего 2, а в Онтарио – 178. И там, и там – очень мало. Другие примеры свидетельствуют о том же. Это показывает то, что, чем меньшее явление, тем оно более склонно к большим погрешностям. Всё равно, как прогнозировать погоду не в целом по стране или климатическом регионе, а в районе или квартале города. Вот почему мы можем наблюдать в исследовании состояния насильственной преступности в 12-ти коммунах района Баффина (провинция Нунавут, Канада) такие существенные колебания абсолютных показателей насильственной преступности применительно к соотношению количества населения в коммунах и зарегистрированных насильственных преступлений. И всё же в половине случаев большее количество населения показывало большее количество зарегистрированных насильственных преступлений, чем в меньше населенных коммунах. Хотя на момент измерения (1993 г.) всё население 12-ти коммунах района составляло всего 7 771 человек, без учёта возраста, а наименьшая коммуна – 134 человека. В любом случае здесь следует искать корни математико-статистических закономерностей.

В то же время придавать особое значение роли урбанизации на макроуровне тоже ненадежно, поскольку, например, в Иране 68,4% городского населения, в Украине – 68,7%, но уровень, в частности, насильственных преступлений в Иране превышает аналогичный уровень в Украине больше, чем в 17 раз. Есть утверждение, что с увеличением степени урбанизации региона возрастает доля совершаемых в них преступлений, причём в больших городах показатель сравнительно выше, чем в меньших или малых городах. Однако степень регистрации

преступлений находится в зависимости от степени возрастания урбанизации региона только в крупных городах, насчитывающих более 500 000 жителей [11, s. 624, 627]. Это не совсем так. Чем больше население, тем больше совершаемых преступлений, но корреляция, с учётом наличия латентных преступлений, в большей степени заметна в крупных городах по сравнению с малыми городами.

На рис. 2 видно, как из всей совокупности населения выделяется определенное количество преступлений и переводится в относительный показатель. Но затем происходит сравнение с регионом, который имеет меньше четверти населения от предыдущего. Индекс, который произошел от региона с большим населением, сравнивается, не уменьшаясь, с регионом, который, как правило, не может произвести такое же количество преступлений.

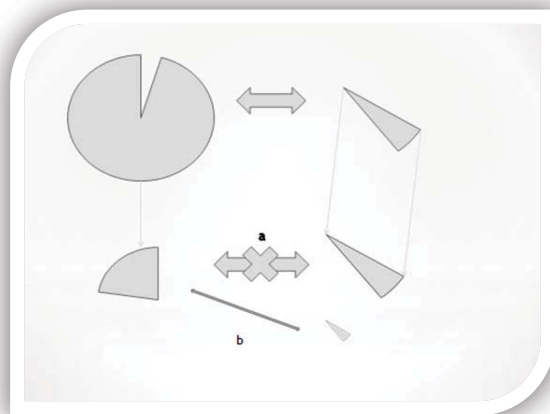

Рис. 2. Схема аппроксимации абсолютных показателей преступности к относительным показателям

Это похоже на сравнение спортивных показателей у спортсменов разных весовых категорий, обладающих совершенно разными потенциалами. У малонаселенных объектов индекс преступности в большинстве случаев должен быть ниже, чем у многонаселенных объектов, хотя и те, и другие используют относительную величину измерения. Но когда происходит сравнение между объектами, то сравниваются индексы, которые заранее несопоставимы, как возможности спортсменов разных весовых категорий, что особенно проявляется, если эти категории не близкие. Следовательно, правильной представляется модель, обозначенная буквой *b* (рис. 2).

Например, возьмем коэффициенты интенсивности преступности Житомирской (787) и Одесской (1 030) областей, притом что исчисление производится относительно возрастной группы населения от 15 до 64 лет. Очевидно, что одесский показатель выше, но и количество населения этой возрастной группы соответственно составляет – 869 100 и 1 685 100 человек. Конечно же, показатель Одесской области будет выше из-за количества населения, а идея относительного измерения как раз и состояла в том, чтобы эту разницу сократить или нивелировать. Но это происходит безуспешно.

Если учесть разницу в количестве населения в возрасте от 15 до 64 и/или больше лет в регионах, то погрешности в зарегистрированных преступлениях будут вполне приемлемы, и, более того, это продемонстрирует ещё раз важность учёта количества населения этих возрастных рамок. В таблицах 1–2 можно увидеть долю погрешностей, которые проявляются в традиционном диспропорциональном учёте и ранее не применявшемся пропорциональном учёте.

Пропорциональный учёт основывался на непропорциональной выборке регионов для сравнения, например по алфавиту или по мере появления их в статистических сводках. В этом случае они сочетаются как разные по количественному показателю населения. Иной раз эта разница весьма ощутима.

Таблиця 1

Показатель погрешности при диспропорциональном подходе (Украина, 2012 г.)

Регионы сравнения	Абсолютный показатель погрешности	Относительный показатель погрешности
Винницкая область / Волынская область	3 467	35,4%
Днепропетровская обл. / Донецкая область	7 587	15,7%
Житомирская обл. / Закарпатская область	4 347	43,2%
Запорожская обл. / Ивано-Франковская обл.	20 260	80,2%
Киевская обл. / Кировоградская область	4 614	30,2%
Луганская область / Львовская область	10 326	39,4%
Николаевская область / Одесская область	14 164	57,8%
Полтавская область / Ровенская область	7 017	55,4%
Сумская область / Тернопольская область	4 657	52,2%
Харьковская область / Херсонская область	19 259	62,7%
Хмельницкая обл. / Черкасская область	873	9,2%
Черновицкая обл. / Черниговская область	3 354	40,8%

Таблиця 2

Показатель погрешности при пропорциональном подходе (Украина, 2012 г.)

Регионы сравнения	Абсолютный показатель погрешности	Относительный показатель погрешности
Винницкая область / Волынская область	325	5,8%
Днепропетровская обл. / Донецкая область	4 891	5,8%
Житомирская обл. / Закарпатская область	3 864	40,5%
Запорожская обл. / Ивано-Франковская обл.	13 771	75,2%
Киевская обл. / Кировоградская область	171	1,2%
Луганская область / Львовская область	9 102	34,8%
Николаевская область / Одесская область	1 756	14,6%
Полтавская область / Ровенская область	5 491	43,4%
Сумская область / Тернопольская область	4 662	52,2%
Харьковская область / Херсонская область	249	2,2%
Хмельницкая обл. / Черкасская область	725	7,6%
Черновицкая обл. / Черниговская область	2 405	29,3%

Для исследования использовалась следующая методика. Например, берём для сравнения Винницкую и Волынскую области в Украине. Известно, что количество населения в возрасте от 15 до 64 и больше лет в Винницкой области больше, чем в Волынской. Поэтому на долю разницы в этом населении уменьшается или увеличивается показатель зарегистрированной преступности в Винницкой области за 2012 г. В этом случае разница в показателях преступности в указанных областях сокращается всего до 5,8% или на 325 преступлений. Погрешность определяется разницей между пропорционально сниженной или увеличенной преступностью и зарегистрированной. Такой же подход можно использовать и на примерах регионов в РФ, США и других странах. В тех случаях, когда население сравниваемых регионов количественно резко отличается, но число зарегистрированных преступлений в меньшем по количеству населения регионе значительно больше, то тут, вероятнее всего, имеет место искажение регистрации или малопонятные причины колебаний преступности. Например, в 2012 г. в Белгородской области РФ количество зарегистрированных преступлений на пять с половиной тысяч было меньше, чем математически ожидаемое количество при дисперсии случайной величины. Это, скорее всего, свидетельствует о намеренном занижении преступлений при регистрации. Вот почему при пропорциональном подсчёте стоит в редких случаях увеличивать показатель зарегистрированной преступности, исходя из пропорций населения региона. Пропорциональный подсчёт дает возможность при сопоставлении регионов вычислить, в каком из регионов в большей степени произошло занижение регистрируемой преступности. Часто, когда в таблицах с

данными о пропорциональном подсчёте соотношения количественного состояния преступности в регионах можно увидеть относительный показатель погрешности, равный или больше чем 20%, это свидетельствует о занижении регистрируемой преступности. Абсолютный показатель при этом высокий и получается он таким благодаря тому, что, в частности, в большем по количеству населения регионе, где было зарегистрировано большее количество преступлений, последний показатель занижен. Поэтому, когда происходит пропорциональное снижение этого показателя на процент разницы населения, разница между сравниваемыми группами увеличивается, что увеличивает показатель погрешности при таком подсчёте. Например, в 2012 г. в статистических регионах РФ (Псковская область и г. Санкт-Петербург) население г. Санкт-Петербурга было на 86,9% выше, чем население Псковской области. Соответственно, в первом было зарегистрировано 56 439 преступлений, а во второй – 10 411 преступлений. Пропорциональное снижение для сравнения количества зарегистрированных преступлений в г. Санкт-Петербург на процент разницы населения дает показатель 7 394 преступления, что в сравнении с количеством зарегистрированных преступлений в Псковской области дает погрешность 3 017 преступлений, а это 29% погрешности. Если бы в г. Санкт-Петербург было зарегистрировано, например, 76 439 преступлений, то тогда это дало бы минимальный процент погрешности. Это может говорить о том, что количество скрытых преступлений составило приблизительно 20 000. Это, конечно, не абсолютный показатель латентности, но достаточно высокий. Понятно, что и с показателем преступности в Псковской области тоже может быть не всё в порядке. Он может быть

также занижен, но тогда это будет свидетельствовать о том, что уровень латентной преступности в г. Санкт-Петербург ещё выше.

Возьмём ещё пример. Показатели зарегистрированной преступности в Саратовской и Самарской областях РФ в 2012 г. почти в два раза отличаются. Однако разница количества народонаселения составляет всего 22,3%. При пропорциональном подсчёте соотношения количественного состояния преступности в этих регионах показатель погрешности составляет 39%, что указывает на существенное занижение зарегистрированной преступности в Саратовской области РФ. Этот метод не даёт точной цифры, но он указывает на точный диагноз ситуации с «тёмной цифрой» преступности в сравниваемых регионах.

Со всей показательностью можно наблюдать, когда в регионе с меньшим населением зарегистрировано намного больше преступлений, бывает даже в два раза, чем в регионе с большим количеством населения. Это может быть подсказкой о том, что в последнем регионе присутствует существенное сокрытие реальных данных о преступности. Но при этом ситуация с оценкой может также осложниться явлением колебаний преступности. Так что указанная разность не всегда свидетельствует о существенном искажении преступности, однако, если показатели ниже, чем математически ожидаемые, то, по всей видимости, можно предполагать такие искажения. При этом не стоит забывать о ситуациях, когда количество зарегистрированных преступлений больше, чем математически ожидаемое количество преступлений с учётом дисперсии. В таком случае колебание преступности практически «залезает» на территорию математически ожидаемой величины деликтов с учётом дисперсии, которая значительно шире. Это явление видится вполне естественным и, как оказалось, часто зависящим от протокола регистрации преступлений.

Выводы. Учитывая всё сказанное, следует подчеркнуть, что доминанта невысоких показателей погрешности

при пропорциональном подходе демонстрирует разумность его использования. В то же время это показывает и сомнительность пользы от использования относительного измерения преступности на 1 000, 10 000 или 100 000 населения, поскольку количество населения является важным макрокримнологическим фактором. Действительно, динамика зарегистрированной преступности за долгий период наблюдений может показать примеры значительных колебаний без существенных изменений количества населения. Однако всё же это происходит в пределах дисперсии математически ожидаемого показателя преступности.

Показатель погрешности при пропорциональном подходе демонстрирует сомнительную полезность нынешних относительных измерений состояния преступности в сравнении с другими регионами в пределах одной страны или между странами в целом. Сам факт необходимости пропорционального снижения количества населения, который рассчитывается на 100 000 населения, и одновременное использование контрольного показателя, выражающегося в общем произведенном продукте – преступности всего населения региона, делает из указанной системы печально известную профанацию. Вероятно, стоит заняться разработкой альтернативной методики измерения, которая, очевидно, изменит и весь облик нынешней системы исчисления. Речь идет об измерении преступности посредством категории математически ожидаемого количества преступлений и его дисперсии. В последней системе измерения адекватно учитывается количество населения исследуемого объекта, а это, как было показано выше, немаловажный фактор.

Но что же практически дают эти выводы? Во-первых, правильная оценка факторов, влияющих на количественные показатели преступности, освобождает от многих иллюзий, касающихся этой сферы познания. Во-вторых, криминологическая мысль освободится от сомнительных теорий, например, теорий об абсолютном и относительном росте преступности в мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ферри Э. Уголовная социология: монография / Э. Ферри; сост. и предисл. В.С. Овчинского. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 658 с.
2. Ogburn W. Factors in the variation of crime among cities / W.F. Ogburn // *Journal of the American Statistical Association*. – 1935. – Vol. 30. – Num. 189. – P. 12–34.
3. Блувштейн Ю.Д. Криминология и математика: монография / Ю.Д. Блувштейн. – М.: «Юрид. лит.», 1974. – 176 с.
4. Chamlin M., Cochran J. An Excursus on the Population Size-Crime Relationship / M.B. Chamlin, J.K. Cochran // *Western Criminology Review*. – 2004. – Vol. 5. – Num. 2. – P. 119–130.
5. Perez N. Does Population Size Have an Effect on Crime Rates? / N. Perez [Electronic source]. – At available: URL: <http://web.bus.ucf.edu/faculty/rhofler/file.axd?f-file=2011%2f2%2fPerez-+Population+%26+Crime.pdf>
6. Blau P. Inequality and Heterogeneity: A Primitive Theory of Social Structure / P. Blau. – New York: Free Press, 1977. – 307 p.
7. Юзиханова Э.Г. Преступность, обусловленная политико-экономическими факторами (региональный криминологический анализ на примере Тюменской области): дисс. на соиск. уч. степени канд. юрид. наук: спец. 12.00.08 / Эльвира Гумеровна Юзиханова; Российская академия наук, Сибирское отделение, Тюменский научный центр. – Тюмень, 2002. – 193 с.
8. Nolan J. Establishing the statistical relationship between population size and UCR crime rate: Its impact and implications / J.J. Nolan III // *Journal of Criminal Justice*. – 2004. Vol. 32. – P. 547–555.
9. Омигов В.И. Закономерности развития преступности в Российской Федерации на рубеже веков / В.И. Омигов // *Государство и право*. – 2000. – № 6. – С. 52–55.
10. Население России за 100 лет (1897–1997): Статистический сборник. – М.: Госкомстат России, 1998. – 222 с.
11. Kury H., Obergfell-Fuchs J. Zur Messung der Kriminalitätsbelastung / Helmut Kury, Joachim Obergfell-Fuchs // *Kriminalistik*. – 1998. – No. 52 (10). – S. 624–630.